

Сказанное относится к повседневному рациону основной массы населения. Естественно, в различных районах страны существовали местные особенности питания, которые подробно рассматриваются в книге. Следует, однако, учитывать, что праздничное застолье в деревнях уже и в этот период отличались известным изобилием и изысканностью, а питание зажиточных швейцарцев и раньше было более разнообразным и богатым животными белками.

В монографии подчеркивается, что только на рубеже 40—50-х гг. XIX в. произошло радикальное изменение структуры питания. В городах, которые быстро росли в ходе индустриализации, непомерно увеличивалось потребление мяса. Ежедневная мясная пища стала символом благосостояния и социального престижа (с. 83). Импорт дешевой пшеницы привел к снижению цен на зерно, широкое распространение получил белый хлеб. Потребление молока сокращалось. Даже деревенские жители предпочитали продавать его на сыроварни, а вместо молока пили цикорийный кофе. В то же время чуть ли не единственной пищей бедняков в городе и деревне стал картофель. Недостатки рациона швейцарцы пытались восполнить употреблением спиртных напитков. Быстро росло производство дешевой водки из картофеля и фруктового вина. Вскоре алкоголизм стал серьезной проблемой в стране. Р. Бирхер считает, что именно со второй половины XIX в. швейцарцы вступили в эру неправильного питания, губительные последствия которого далеко не изжиты по сей день. Автор прямо не связывает этот процесс с началом бурного развития капитализма, однако такой вывод вытекает из изложенного в книге материала.

Работа Р. Бирхера базируется на скрупулезном изучении широкого круга разнообразных источников. В целом она представляет серьезное исследование, несомненно, имеющее новаторский характер. Интерес, который вызывает книга, объясняется не только оригинальной постановкой проблемы, но и тем, что вопросы эволюции питания рассматриваются в тесной взаимосвязи с другими аспектами исторического развития — экономическими, социальными, демографическими, культурными. Это указывает, что результаты исследований, подобных монографии Р. Бирхера, могут быть использованы применительно к другим направлениям исторической науки. В этом смысле ее значение выходит далеко за рамки изучения истории питания в Швейцарии.

К недостаткам работы следует отнести небрежную редакцию отдельных глав, что привело к неоправданным, на наш взгляд, повторам (например, с. 47—49 и 50—52). В ряде случаев цитаты из источников недостаточно четко выделены из авторского текста.

Тем не менее новую книгу Р. Бирхера вполне можно порекомендовать как специалистам-историкам, так и всем, кто интересуется проблемами питания.

В. А. Закс

J. Podolák. Tradičné ovčiarstvo na Slovensku. Bratislavá: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1982. 232 S. Ruské a nemecké resumé.

Одновременно с работой над обобщающим трудом об овцеводстве в Карпатско-Балканской области в рамках научно-исследовательской программы Международной комиссии по изучению народной культуры в области Карпат и Балкан (МКККБ) вышла в свет монография словацкого этнографа Яна Подолака «Традиционное овцеводство в Словакии». Ее появление как нельзя более своевременно. В этом труде получили наивысшее выражение тенденции комплексного изучения словацкого пастушества, характерные для таких чешских и словацких историков, как К. Кадлец, В. Халупецкий, Й. Мацурек, Б. Варсик, П. Раткош. В области антропогеографии эту тему представляет Я. Крал, в лингвистике — Д. Кранджал. Исследования Я. Подолака развивались в тесной связи с планами МКККБ, в основании и работе которой он принимал активное участие в должности Генерального секретаря.

Рассматриваемая монография подытоживает современные знания об овцеводстве у словаков; она опирается на богатейший эмпирический материал, систематически собранный автором с 1960-х годов на всей территории Словакии. Для сравнения использованы свидетельства о пастушестве в польских и украинских Карпатах, Румынии, Болгарии, Сербии, Македонии, Черногории и горных районах Словении.

В книге рассматриваются три круга проблем. В рамках первого решаются общие вопросы, связанные с развитием овцеводства. Второй круг проблем — летняя пастба овец и жизнь пастухов, третий — экономическая продуктивность овцеводства. В заключительной части книги автор стремится обобщить материал и ввести его в более широкие историко- и географо-культурные взаимосвязи.

В первой главе — «Традиционные формы и способы овцеводства и размножения отар овец» — подробно описаны способы увеличения отары овец в условиях домашнего разведения; рассказано о приобретении овец в собственность путем сезонного разведения чужих овец, наследства и приданого, а также закупки. Все формы увеличения отар овец так или иначе согласовываются с местными нормами обычного права. Показаны и различные методы обозначения собственности на овец. Число овец, говорит Я. Подолак, зависит от местных экономических условий, прежде всего от наличия, величины, качества пастбы для летней пастбы и от производства кормов для зимнего периода. Материал книги свидетельствует о том, что расширение отар овец посред-

ством домашнего разведения и выработанные в этой отрасли хозяйства методы восходят к началу овцеводства на территории современной Чехословакии и носят однозначно славянский характер. О том же говорят и названия, принятые для овец разного пола и возраста. Со временем кроме домашнего разведения овец начали применять карпатское пастбищное содержание овец; позже в Словакии занялись разведением овец-мериносов.

По мере развития овцеводства постепенно создавались и совершенствовались методы охраны частной собственности. Автор нашел аналогии обозначениям собственности на овцах, распространенным в Словакии, в других европейских странах. Это, по его мнению, один из древнейших элементов овцеводства и пастушеской культуры Европы.

В главе «Формы зимнего стойлового содержания овец» рассказано о способах содержания скота зимой: вблизи постоянных жилищ, в зимних загонах и полевых хлевах. Эта часть монографии удачно продолжена главой «Кормление овец зимой», которая содержит материал о зимней пастьбе овец, их традиционном корме и формах кормления. Автор выявляет многочисленные архаичные элементы в традиционных формах зимнего кормления и пастьбы овец в Словакии, что побуждает судить не только о характере овцеводства в Словакии на отдельных этапах его развития, но и о происхождении некоторых явлений овцеводческой и пастушеской культур. От древней пастушеской культуры происходит, по мнению Я. Подолака, и зимнее кормление овец в неогороженном, не покрытом крышей пространстве, а также кормление ветками хвойных деревьев в лесу.

Особая глава посвящена болезням овец и их лечению. Ее содержание: гигиена, профилактика, преобладающие болезни овец и методы их лечения. В словацкой народной ветеринарии домашние приемы переплелись с опытом карпатского пастбищного содержания животных, представлявшего на территории Словакии чужой экономический и культурный вклад.

В главе «Пастухи овец» Я. Подолак подходит к вопросам общественной жизни, связанной с овцеводством. Здесь описано, как нанимали пастухов овец. Показана также дифференциация пастухов по характеру их работы. Анализируются традиционные формы зарплат пастухов, их отношения с деревенской общиной. В этой очень интересной и удачно написанной главе исправлены распространенные прежде ошибочные мнения о характере «пастушеской профессии словаков» в горных регионах и числе лиц, занятых в этой профессии. Убедительно доказывается, что пастухи овец наряду с пастухами других пород хозяйственных животных со времен средневековья составляли в Словакии немногочисленную группу населения и издавна относились к маловлиятельным слоям деревенской общины.

Глава «Строительные элементы на шалашах» имеет определенное значение не только для изучения овцеводства, но и для понимания развития народной архитектуры (с этой точки зрения она будет полезна для соответствующего труда, подготавливаемого в рамках МКККБ). Автор рассказывает о местоположении шалашей, описывает навесы для пастухов, ограды, навесы для овец и другие постройки. Справедливо констатируется, что строительные элементы на шалашах представляют собой весьма важную часть традиционной пастушеской культуры в Словакии. Сравнительно старые формы пастушеских построек свидетельствуют о едином происхождении строительной культуры у карпатских пастухов.

Повседневная жизнь пастухов обстоятельно описана в главе «Пребывание пастухов в летних шалашах». Речь идет о выгоне овец, окончании сезона, работе пастухов в шалаше, традиционных формах жилья, пище, одежде, общественной и духовной жизни. Именно во время пребывания в шалашах, длившегося несколько месяцев, проявлялись особенности в культуре и образе жизни, больше всего отличавшие пастухов от других групп деревенского населения.

В заключительной главе анализируется продуктивность овцеводства. Рассказано о традиционной обработке овечьего молока, производстве шерсти, мяса и обработке шкур, удобрении земли путем содержания овец в огороженных местах. Овцеводство, как убедительно показывает Я. Подолак, еще в средние века играло значительную роль в экономической жизни на территории Словакии.

Рассматриваемая работа характеризует овцеводство как сложный комплекс явлений экономического, социального и культурного характера. Исторический анализ свидетельствует о том, что методы средневекового овцеводства в Словакии не имели значительных отличий от тех, которые применялись в развитых животноводческих культурах других стран Средней и Западной Европы. Характерной чертой средневекового овцеводства была его тесная связь с земледелием. Подобный тип овцеводства определяется как «крестьянский», или «низменный». С XIV в. в Словакию с востока пришла и начала распространяться новая система овцеводства, которая в рамках колонизации в зоне действия валашского права в XV—XVII вв. постепенно распространилась в большинстве горных районов этой этнической территории. Специфика пастбищного содержания овец заключалась прежде всего в том, что пастбища выбирались в более высоких поясах лесов и на горных лугах, до того экономически не использовавшихся. Автор тяготеет к тем ученым, которые ищут происхождение пастбищного содержания овец в восточных областях Карпат и Трансильвании, т. е. в странах, имевших прямые контакты с Балканским полуостровом. Относительно вопроса об этническом характере колонизации в зоне действия валашского права автор приходит к заключению, что необходимо последовательно дифференцировать происхождение и характер пастбищного содержания овец, распространенного в период колонизации в Словакии, и этническую принадлежность носителей этой формы хозяйства. Распространение пастушеской культуры с Бал-

канского полуострова на территорию Карпат Я. Подолак считает долговременным процессом, в котором принимало участие несколько этнических групп Юго-Восточной Европы. Этнографические исследования в Словакии подтверждают, что на крайнем востоке словацкой территории заселение в местах действия так называемого валашского права носило преимущественно украинский этнический характер. Дальше на запад преобладало местное словацкое население. В заключение Я. Подолак делает вывод, что пастбищное содержание животных в Словакии и связанная с ним культура образуют один из компонентов словацкой народной культуры.

Монография Я. Подолака «Традиционное овцеводство в Словакии» представляет собой фундаментальный вклад в изучение сложных этнокультурных процессов в странах Средней, Восточной и Юго-Восточной Европы. Богатейший материал книги удачно проиллюстрирован оригинальными фотодокументами. обстоятельный анализ приводит автора к обобщениям, значение которых выходит далеко за рамки Словакии.

В. Фролец

Г. Георгиев. *Българските партизани. Историко-етнографски очерк.* София: Партиздат, 1984, 223 с.

Рецензируемая книга — оригинальное этнографическое исследование, посвященное быту и культуре партизан периода антифашистской борьбы болгарского народа 1941—1944 гг. В этой работе раскрыты самые разные стороны повседневной жизни партизан: от проблем питания, жилищных условий, установленного командованием распорядка дня, идеологической работы до любительских занятий партизан, форм межличностного общения, их социальной психологии. Этот разнообразный материал рассматривается сквозь призму социальных и культурных традиций болгарского народа. Тема разработана в этносоциальном, этнокультурном и этнопсихологическом аспектах, чем она и привлекательна для этнографов.

Автор книги — известный ученый НРБ, исследователь болгарского революционного движения и этнограф. Анализируя народную культуру, Г. Георгиев здесь, как и в прежних своих работах¹, придает одинаково важное значение культурному наследию сельского и городского населения, в том числе традициям пролетарской культуры, став в разработке последней темы новатором в болгарской этнографии. Партизанская культура, как показывает автор, во многих отношениях явилась преемницей пролетарской, восприняв и развив некоторые традиции культуры эпохи национально-освободительного движения в Болгарии.

Партизанские подразделения, представлявшие сплоченные коллективы и вне военных действий, автор справедливо называет «специфическими социальными организациями» (с. 128, 130), «общественно-политическими организациями», в рамках которых складывалась своеобразная культура (с. 6, прим.). Ее этническую окраску предопределил национальный состав участников партизанского движения Болгарии — преимущественно болгарский. Социально-классовый состав партизан, преобладание среди них выходцев из пролетарских слоев способствовали быстрому и смелому преодолению тех традиционных обычаев, навыков и представлений, которые не отвечали образу жизни партизан, их идеологии и жизненным идеалам. Духовная сторона партизанской культуры, ее направленность на преобразование старых традиций оказали впоследствии определенное влияние на формирование социалистической культуры болгарского народа.

Основную особенность культурно-бытовых процессов, протекающих в партизанской среде, Г. Георгиев видит в их прямой подчиненности процессам социальным, обусловленным целями антифашистской борьбы (с. 9, 208 и др.). Автор не понимает это упрощенно. Речь идет в сущности о быстрой адаптации привычных культурно-бытовых норм мирной жизни к новым, притом необычным и трудным условиям существования (с. 9), принимаемым партизанами добровольно в качестве суровой необходимости. Новый культурно-бытовой уклад создавался не только волей командования и вышестоящих директивных органов, но и всем партизанским коллективом. Здесь проявлялись не только общие, но и личные интересы и склонности, раскрывались как социальная психология, так и психология личности. Следовательно, эта сфера образа жизни была в такой же мере управляемой, как и самоуправляемой, что хорошо показано, кстати, во всех разделах книги на конкретном материале и в ремарках автора. Хотелось бы именно в таком смысле понимать сформулированное в заключении определение этого явления: «руководимый и управляемый, а не ... стихийный процесс» (с. 208, 209).

Представление об управляемости процесса формирования и развития быта и культуры болгарских партизан, по-видимому, легло в основу определения Г. Георгиевым объекта его исследования как «потестарного быта и культуры», что означает, как поясняется в примечании, «быт и культуру общественно-политической организации». Этот сюжет он считает «нераздельной частью» предметной области этнографии (с. 6, там же — прим.). Как видим, термин «потестарный» употребляется автором в смысле, который можно было бы иначе выразить как «направляемый властью», точнее — «раз-

¹ См., например: *Георгиев Г. Освобождението и етнокультурно развитие на българския народ. 1878—1900.* София, 1979; *его же. София и софиянци.* София, 1981, и др.